

Билингвизм в социально-политической проекции: язык как способ бытия нации

М.А. Можейко

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
Минск, Беларусь*

Аннотация

В статье феномен билингвизма анализируется в социально-политической проекции: в сопряжении с такими явлениями, как языковая ситуация, языковая политика, языковые права. Определяется понятие языковой ситуации, и в этом контексте выявляются особенности вариантов дифференциации двуязычной ситуации, в частности горизонтальный и вертикальный билингвизм, сбалансированный и несбалансированный. Показаны специфика языковой политики в условиях билингвизма, основные аспекты ее возможной проблематизации. Диглоссия анализируется как фактор языкового развития, выявляются особенности алгоритм разворачивания билингвизма в диглоссной ситуации. Рассматриваются возможные статусы национальных языков в диглоссном контексте, и доказывается фундированность этих статусов со стороны баланса политических сил. Моделируются перспективы развития национальных языков в диглоссных контекстах. На основании этого феномен диглоссии определяется как деструктивный в отношении языковой эволюции. Раскрывается сущность такого феномена, как экзоглоссность, демонстрируется ее негативное влияние на языковой процесс и анализируются механизмы этого влияния (в первую очередь посредством организации системы образования). Феномен двуязычия погружается в контекст процесса формирования национальной идентичности, исследуется проблематизация последней в условиях диглоссии, особенно экзоглоссности. Рассматривается такой феномен социально-политической жизни, как языковой вопрос, определяются условия его актуализации и моменты обострения на разных исторических этапах. Оцениваются перспективы развития национальных языков в условиях глобализации: моделируется возможность формирования диглоссной ситуации при перспективе доминирования «глобального английского» в отношении национальных языков. Делается о способах преодоления языковых конфликтов и дисбаланса.

Ключевые слова: социальная философия, языковая политика, социолект, диглоссия, экзоглоссность, языковой вопрос, национальная идентичность.

Можейко Марина Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета культуры и искусств.

marina-mojeiko@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0003-2715-6200>

Для цитирования: *Можейко М.А.* Билингвизм в социально-политической проекции: язык как способ бытия нации // *Философские науки.* 2022. Т. 65. № 3. С. 112–137. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-112-137

Bilingualism in Social and Political Perspective: Language as a Way of the National Being

М.А. Можейко

Belarusian State University of Culture and Art, Minsk, Belarus

Abstract

The article examines bilingualism from the social and political perspective, discussing such phenomena as the language situation, language policy, language rights. The author defines the concept of a language situation and reveals the features of various types of a bilingual situation: horizontal and vertical bilingualism, balanced and unbalanced bilingualism. The article analyzes the language policy under the conditions of bilingualism and specifies the main points of its possible problematization. Diglossia is analyzed as a factor of language development; special attention is paid to the evolvement of bilingualism in a diglossic situation. The article considers the possible statuses of national languages in a diglossic context and their statuses from the perspective of the balance of political forces. The author models the prospects for the development of national languages in diglossic contexts and analyzes destructive relation of diglossia to language evolution. The article reveals the phenomenon of exoglossia, its demonstrates its negative impact on the language process, the mechanisms of its influence through the education system. The phenomenon of bilingualism is related to the process of the formation of national identity, of the development of various models of diglossia and especially exoglossia. The article discusses language issues arising in the social and political life, determines the conditions of its actualization and aggravation on various historical stages. The author assesses prospects for the development of national languages in the context of globalization, in particular the possibility of the formation of

the diglossic situation of the dominance of “global English” over national languages. The article concludes with the ways to overcome language conflicts and imbalances.

Keywords: social philosophy, language policy, sociolect, diglossia, exoglossity, language issue, national identity.

Marina A. Mojeiko – D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Belarusian State University of Culture and Arts.

marina-mojeiko@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0003-2715-6200>

For citation: Mojeiko M.A (2022) Bilingualism in Social and Political Perspective: Language as a Way of the National Being. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 65, no. 3, pp. 112–137. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-112-137

Введение

Билингвизм – феномен полифункциональный и многоаспектный, а потому может быть рассмотрен с различных точек зрения: и в аспекте функционирования мышления и протекания познавательных процессов (когнитивный подход), и как феномен культуры (культурологический подход), и в контексте социальных процессов, т.е. в сопряжении с политическими и правовыми аспектами общественной жизни (социально-политический подход). Однако, если когнитивные и культурные характеристики двуязычия во многом универсальны, то социально-политические зависят от сложившейся ситуации и языковой политики в том или ином социуме.

Языковая политика как система теоретико-идеологических принципов и практических шагов государственно-политической системы по решению языковых проблем в обществе связана с масштабными языковыми процессами (проблемами кодификации национального языка, его функционированием в разных социальных слоях, проблемами двуязычия и полиязычия, разрешением языковых конфликтов и т.п.), реализуется как составная часть национальной политики и исследуется в рамках макросоциолингвистики [Busch 2013; Patten 2001].

Трактуя языковую политику как лингвист, Л.-Ж. Руссо понимает под ней «любые решения, принимаемые государством или любым другим имеющим на это право социальным органом,

направленные на использование одного или нескольких языков на данной территории, реальной или виртуальной, и регламентирование его или их употребления» [Руссо 2007, 97]. Однако роль языковой политики в системе социума более масштабна, поскольку она «завязана» не только на политические реалии, но и на экономические процессы, религиозные установки и многое др.

Разумеется, любой язык как таковой идеологичен по своей глубинной природе. Неслучайно М. Фуко отмечает «важность знания о том, в каких формах и по каким каналам, скользая вдоль каких дискурсов, власть добирается до самых тонких и самых индивидуальных поведений, какие пути позволяют ей достичь редких или едва уловимых форм желания, каким образом ей удается пронизывать и контролировать» [Фуко 1996, 72]. Но при этом не следует забывать о том, что именно политическая сфера служит пространством, в котором только и могут быть реализованы языковые права, может осуществляться языковая политика (подобно тому, как свобода, в отличие от воли, может быть реализована, по мысли Х. Арндт, именно и только в рамках политической сферы [Арндт 2017]).

Наряду с этим может быть выделен и иной, встречный, вектор. Как отмечает Дж. Марин-Аррес, в любом случае «говорящий/пишущий стремится контролировать ход самой реальности или влиять на него», и для этого у него существует множество языковых инструментов: «оценочное позиционирование <...>, деонтичность, направленность и выражение желательности, интенциональность, нормативность и т.п.» [Marín-Arrese 2015, 105].

Языковая политика в условиях билингвизма: специфика и проблемы

В ситуации двуязычия проявляются две тенденции, основанные на разворачивании того, что исследователи называют «*потребностью идентичности*» и «*потребностью взаимопонимания*» [Алпатов 2013а]. Обе естественны и имеют право на существование, но баланс между ними далеко не всегда достигается легко.

Каждый прецедент билингвизма неповторим, и многое зависит от истории его формирования. Так что в мировом масштабе далеко не всё и не везде бесппроблемно: не в любом государственно-национальном контексте. Особенно проблемным оказывается вопрос о языке национальных меньшинств и эмигрантов, в частности об организации их системы образования. Например,

в проведенном в США фундаментальном исследовании показаны ситуации, в которых для латиноамериканских эмигрантов «двуязычное образование скорее тормозит, чем ускоряет движение латиноамериканских детей в англоязычный мир, и способствует больше сегрегации, чем интеграции. Двуязычие закрывает двери. Оно питает самогеттоизацию, а геттоизация питает расовый антагонизм», в этом плане одноязычное (англоязычное) образование детей эмигрантов рассматривается как благо, поскольку «открывает двери в большой мир» [Cummins 2003, 60–61]. Можно, однако, возразить: если под единственным языком имеется в виду английский (а так и читается), то в ситуации эмигранта достичь такого монолингвизма невозможно. Родной язык уже есть, и он уже не английский, в то время как владение двумя языками и расширяет возможности адаптации, и позволяет сохранить культурную идентичность.

В анализе билингвизма как социолингвистического явления важным представляется понятие *языковой ситуации*. По Ч.А. Фергюсону, этот термин фиксирует общую конфигурацию использования языка в данное время и в данном месте, включает в себя сведения о том, сколько языков и какие языки используются в данном ареале, сколько людей на них говорят и при каких обстоятельствах их практикуют [Фергюсон 1989, 122–127].

Как же может моделироваться билингвальная языковая ситуация в масштабах сообщества, в первую очередь страны, тем более что существенную роль играет фактор государственного языка? В рамках языковой ситуации двуязычия можно выделить, по определению Х. Бирдсмор, *горизонтальный билингвизм*, задающий ситуацию, при которой оба языка имеют «равный статус в официальной, культурной и семейной жизни», и *билингвизм вертикальный*, в рамках которого один из языков доминирует [Beardsmore 1986, 5]. Х. Бирдсмор предлагает описывать подобные ситуации также в терминах симметрии и асимметрии: асимметричным считается тип билингвизма, в рамках которого складываются неравноправные отношения между практикуемыми в обществе языками [Beardsmore 1986, 42].

В рамках дихотомии «*сбалансированный – несбалансированный билингвизм*» под несбалансированной понимается такая ситуация, «при которой языки-компоненты являются функционально неравнозначными и распределены по различным сферам общения и социальным группам таким образом, что один из языков несет

большую, а другой (другие) – меньшую функциональную нагрузку» (например, в Испании – испанский, каталанский, галисийский, баскский языки) [Словарь... 2006, 151].

Разумеется, билингвизм обостряет языковой вопрос, предъявляя к языковой политике особые требования. Это связано с тем, что в своем функционировании он выходит далеко за пределы сугубо языковой сферы, будучи тесно связанным с такими феноменами, как права человека, гражданство, образование и др.

Тем самым социальная роль языковой политики выходит далеко за рамки регуляции языкового процесса, выступая значимым фактором как внутренней политики, так и международных отношений.

Диглоссия как фактор языкового развития

В условиях несбалансированного двуязычия может формироваться феномен диглоссии. Дж. Эдвардс определяет ее как особый тип билингвизма, при котором оба языка образуют единую социально-коммуникативную систему и находятся в отношениях функциональной дополнительности, имея при этом не совпадающие сферы применения и разный статус [Edwards 2006, 20–21]. По Э. Хадсону, для диглоссии характерна функциональная иерархия языков, каждый из которых практикуется в различных сферах [Hudson 1999, 109]. Так, К. Бакер и В.Е. Райт отмечают, что языковое сообщество может «использовать язык меньшинства для общения внутри семьи, при отправлении религиозного культа и в общественной деятельности этого меньшинства», в то время как язык большинства будет практиковаться «на работе, в образовании и в СМИ» [Baker, Wright 2017, 42–47].

Яркий вариант диглоссии проявляется в языковом пространстве арабоязычных обществ: как отмечает Н.Б. Мечковская, «единый литературный язык арабов, восходящий к классическому арабскому языку VII века, имеет только письменную форму выражения. Это язык Корана, книжно-письменной культуры, науки, публицистики, официально-деловой документации, высшего и отчасти среднего образования», в то время как «в повседневном общении, в неофициальных программах радио и телевидения, в начальной школе используются многочисленные и далеко разошедшиеся диалекты арабского языка – алжирский, египетский, иракский, йеменский» [Мечковская 1996, 108].

В ситуации диглоссного билингвизма каждый из двух языков обретает статус либо *H*-языка (*high language*), либо *L*-языка (*low language*). *H*-язык используется в т.н. высоких, небытовых сферах книжно-письменной культуры (официальных документах, вербальных видах искусства, религии, науке, системе образования), а *L*-язык – в т.н. низких, бытовых сферах номинации и коммуникации, в *низких* жанрах художественной культуры и т.п. [Фергюсон 1989, 122–127].

Так, в зороастризме Ирана церковные церемонии проводятся по языковому критерию различно: молитвы читаются на сакральном языке Авесты, в то время как проповедь проводится на языке современных зороастрийцев (гавруни) или на персидском [Додыхудоева, Иванов 2014, 438]. Таким образом, язык Авесты функционирует как *высокий*, в то время как гавруни – как обиходно-бытовой: «на нем говорят в домашней обстановке и ведут коммерческие переговоры и расчеты» [Додыхудоева, Иванов 2014, 438–439].

При этом вертикальный языковой континуум может оформиться не только в ситуации билингвизма, но и в рамках национального языка (в том случае, если его различные подсистемы не совпадают по своему статусу в культуре) [Крысин 2004]. Так, в допетровской России церковнославянский язык в статусе *H*-языка – в отношении к разговорному русскому как *L*-языку [Шапир 1989].

Подобная ситуация наблюдалась в традиционной Японии: такой вариант языка, как *бунго*, противопоставлялся языку *кого* и считался единственным правильным и даже единственно *настоящим* языком в противоположность простонародным диалектам. И хотя без специального обучения *бунго* никому не был понятен, именно на нем вплоть до XIX в создавались художественные и даже научные произведения [Алпатов 2002].

Причем дивергенция в подобных случаях может заходить чрезвычайно далеко – вплоть до необходимости перевода: так, в XVI веке в белорусской культуре был создан рукописный словарь для переводов – «Лексіс з талкаваннем славенскіх моў проста» [Старабеларускія лексіконы... 1992].

Фактически и церковнославянский, и язык Авесты могут быть оценены как аналог *H*-языков, а обиходно-русский (до середины XVIII века) и гавруни – как *L*-языки. Но в каждом из упомянутых случаев это языки одной национальной общности, потому ситуация артикулируется совершенно иначе, нежели в случае,

когда в качестве *H*- и *L*-языков фигурируют разные национальные языки, один из которых, и именно претендующий на статус *H*-языка, для большинства населения – неродной. Потому пусть устаревший, пустьво многом непонятный, но воспринимаемый как *свой* – это одно, а *не свой*, но пытающийся вытеснить родной язык из высокого обихода, – совсем, совсем иное.

И как бы ни выдвигались на передний план при трактовке диглоссии культурные критерии (*H*-язык как язык религии, искусства и т.п.), на деле в доминирующем *H*-статусе оказывается язык, носители которого доминируют в политическом отношении. Как формулирует М. Билли, «достижение национальной гегемонии прекрасно иллюстрируется триумфом официальных национальных языков и подавлением соперников, которым часто сопровождалось создание государственности» [Билли 2005, 75]. Эксперты полагают, что «народ (этнос, этническая группа), который в конкретный исторический период не смог самостоятельно отстоять свою независимость, “обречен” на двуязычие/полиязычие. Знание языка метрополии становится жизненно необходимым для “покоренных” народов» [Бахтикиреева 2014, 241]¹.

Такая ситуация не может не обретать эмоциональную размерность: еще в конце XIX века О. Беагель, описывая подобное положение дел, использовал точный термин *язык других* [Behaghel 1928, 182]. Р. Диксон, спустя сто лет описывая языковые обстоятельства колониальной системы Британской империи, использует еще более острый термин: местные языки используются «среди своих»; английский – «с чужими» [Dixon 1991, 236].

Диглоссия *изначально неравноправна*, причем это неравноправие постоянно усугубляется и в итоге *H*-язык начинает тотально доминировать [Edwards 2006; Edwards 2012]. И, разумеется, в любом прецеденте языкового доминирования исчезновение угрожает именно *языкам политически зависимых групп* [Хауген 1972, 61–80].

¹ Дифференциация языковых статусов может иметь и недиглоссные формы. Например, Венгерский парламент до 1840 г.о. использовал латынь, т.е. участие граждан в политической жизни требовало знания этого языка, и аббат Грегуар в 1794 году высказывал опасения, не создает ли это условия для правления элитарного меньшинства [Хобсбаум 2005, 164]. Такая опасность, безусловно, имела место, но латынь – мертвый язык, поэтому ее использование дает преимущества *освоившим* этот язык, а не изначально родившимся в качестве его носителей. Так что это не диглоссия в ее классическом варианте.

Феномен экзоглосности: тотальность неродного языка

В случае полиэтничных обществ диглоссная ситуация обретает еще одно измерение, т.е. возникает феномен экзоглосности: *H*-язык, не будучи родным для большинства населения, принимает характер надэтнического языка и начинает использоваться универсально.

Очевидно, что диглоссия формируется только при вертикальном и асимметричном варианте билингвизма, а за культурными маркерами престижности (*высокие* сферы бытования языка) всегда стоят детерминанты социально-политического характера: статус каждого из языков целенаправленно определяется и поддерживается языковой политикой. И обретение языком того или иного социального статуса – процесс, детерминируемый внеязыковыми факторами, «на основании которых один из двух языков может определяться как “доминирующий”» [Вайнрайх 2000, 136]. По оценке Э. Хаугена, именно и только «политические и социальные факторы» приводят «к господствующему положению одного языка по отношению к другому» [Хауген 1972, 64]. Например, для социального продвижения может требоваться не только овладение *H*-языком, но и «явного игнорирования другого языка, который для данного лица может быть родным» [Вайнрайх 2000, 135].

В полиэтничных (и, соответственно, многоязычных) контекстах ситуация усугубляется, т.к. в этих условиях диглоссия, по оценке Ч.А. Фергюсона, может перерасти в экзоглосность, которая характеризуется тем, что *H*-язык, не являясь родным для носителей национальных языков, функционирующих в *L*-статусе, становится надэтническим [Ferguson 1976]. *H*-язык тотально доминирует, усугубляя вертикальный языковой континуум, – в отличие от стихийно возникающих наддиалоговых языков, ситуативно применяемых в цивилизационных контактах. Последние не порождают экзоглосности (и вообще не имеют интенции доминирования), т.к. оформляются вне вертикального языкового континуума, т.е. за ними не стоит политически доминирующая этническая группа [Можейко 2020].

Доминирование *H*-языка проявляет себя не только посредством его тотальности функционирования в *высоких* сферах, но также и открыто аксиологически – в эксплицитных оценках. Так, классик кенийской литературы Нгуги ва Тионг’о следующим образом описывает постулируемое отношение к английскому языку в Кении периода колонизации: «английский язык был больше, не-

жели язык» (*language*), – «это был Язык» (*the language*), и «все остальные должны были склониться перед ним в почтении» [Ngũgĩ wa Thiong’o 1986, 11].

Престижность экзогlossного *H*-языка обуславливается возможностями социального продвижения, которые открываются при его использовании, и, в свою очередь, выступает очевидным катализатором его распространения.

Как отмечает Э. Балибар, «эгалитарная принадлежность к языковому сообществу... сразу же создает разделения, дифференцирующие нормы, по большей части совпадающие с классовыми различиями» [Балибар 2004 123].

Г.К. Баркер, определяя социальные функции языков в контексте диглоссии, описывает ситуацию в Таксоне (штат Аризона), в рамках которой выходцы из Латинской Америки для того, «чтобы улучшить свои отношения с “Anglos” <...>, могут даже отрицать, что знают испанский» [Barker 1951; Barker 1950].

Р. Диксон, анализируя ситуации *расщепления языка и утраты языкового равновесия* [Dixon 2008, 58–72], выделяет комплекс факторов, влияющих на исчезновение локальных (региональных) языков. Во-первых, это давление извне (в терминологии Р. Диксона, *настойчивость белых*²). Во-вторых, расщепление языка изнутри (*выбор аборигенов*). В-третьих, естественные трансформации «ситуации меньшинства в обществе европейского типа» (если «аборигенные языки» применялись в традиционных видах деятельности – типа охоты, – то с объективной модернизацией деятельности «все меньше времени отводится охоте и общению со своими, и соответственно аборигенные языки используются все реже»). И, наконец, в-четвертых, «давление средств массовой информации», т.е. практически тотальное доминирование англоязычного сектора культурной среды [Dixon 1991, 236].

Принципиально важным критерием демаркации *H*-языков и *L*-языков выступает организация системы образования. Именно она служит инструментом формирования экзогlossности: *H*-язык тотально фундирует собой образовательную среду, в то время как национальные *L*-языки остаются за пределами образовательных процедур.

² Р. Диксон использует такое выражение контекстно, имея в виду ассимиляционную политику Британской империи, но в целом это явление, разумеется, не расовое.

По точному определению Нгуги ва Тионг'о, испытавшего на себе политику колониальной языковой ассимиляции, «физическое насилие на полях сражений продолжается посредством психологического насилия в школьных классах» [Ngũgĩ wa Thiong'o 1986, 9].

Образование практически создает социальные маркеры, определяющие статус человека в обществе: «формально эгалитарная принадлежность к языковому сообществу <...> опосредована институтом школы», и «чем больший вес имеет <...> школьное образование, тем в большей степени различия во владении языком (языком литературным, языком культуры, технологическим языком) функционируют <...> как кастовые различия, предписывая индивидам различное “социальное предназначение”» [Балибар 2004, 123].

Язык является важнейшим средством формирования этнонациональной идентичности, которое может как реализовывать себя объективно (в ходе естественно-исторического процесса формирования нации), так и применяться в качестве инструмента сознательно: и если этническое сообщество «представляется закрытым в принципе», то «языковое сообщество открыто» [Балибар 2004, 122], в силу этого в рамках образовательной системы язык не просто «прививается всеобщим школьным образованием», он, собственно, и «является основной задачей этого образования» [Балибар 2004, 116].

Например, в XIX веке был наложен официальный запрет на использование валлийского и шотландского языков в британских школах [Kiernan 1993]; аргентинское правительство препятствовало использованию в школах Патагонии валлийского языка [White 1991]; согласно Конституции 1982 года, в Турции было запрещено использование в официальном общении языков национальных меньшинств [Могилевич 2012, 47]; точно так же «права человека и гражданина не распространялись на право бретонцев и окситанцев использовать свой собственный язык во французских школах: по закону, вместо окситанского надлежало использовать северофранцузский» [Биллинг 2005, 75].

Школа в этом контексте является одним из мощных и жестких инструментов развития диглоссии: с одной стороны, учителя принуждают говорить на *H*-языке, с другой – соученики дразнят за использование *L*-языка.

Нгуги ва Тионг'о, носитель языка кикуйю, приводит в книге «Декolonизация разума: политика языка в африканской ли-

тературе» свои детские воспоминания о том, что языком его официального образования был английский: «Когда я пошел в школу, колониальную школу <...> язык моего образования не был более языком моей культуры», – внутренняя «гармония была разбита»; «знание английского становилось мерой интеллекта и способностей» [Ngũgĩ wa Thiong’o 1986, 11–12]. Более того, как вспоминает Нгуги ва Тионг’о, в школе действовал жесткий запрет на разговоры на родном языке (нарушитель подвергался телесному наказанию) – «одним из самых унижительных событий было быть пойманным за разговором на кикуйю» [Ngũgĩ wa Thiong’o 1986, 11].

Нельзя не упомянуть и ситуации не аксиологического, но прямого и откровенного физического насилия в организации системы образования в условиях экзоглосности. Так, Р. Диксон пишет о практикуемой многими миссиями и государственными структурами ассимиляционистской политике, когда детей отрывали от родителей и помещали в интернаты, где разрешалось говорить только по-английски [Dixon 1991; Dixon 2008]. Подобная практика имела место и в СССР. Как отмечают Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин, «в конце 1950–начале 1960-х гг. во всем мире (Южная Америка, Австралия, США, Канада, Крайний Север России) наблюдалась одна и та же картина: местные власти в принудительном порядке забирали детей из семей в школы-интернаты, часто вопреки желанию родителей, – а в этих школах учились вместе дети разных национальностей, и единственным языком, общим у детей и между детьми и учителями, был государственный язык (соответственно испанский, английский или русский). В австралийской научной и публицистической литературе используется термин украденное поколение для обозначения детей, прошедших через насильственные школы-интернаты. То же происходило и на Аляске: описание “увоза детей” и их положения в аляскинских интернатах очень напоминает то, что происходило в СССР примерно в то же время» [Вахтин, Головкин 2004, 120–121].

Нельзя также не отметить, что помимо двух указанных сторон – *учителей* (за которыми стоит государственная система) и *учеников* (поставленные в условия, когда жизненный успех зависит от освоения экзоглосного *Н-языка*) – существует еще и третья, а именно *родители*: памятуя свои школьные годы, они стремятся оградить от такого печального опыта своих детей, считая целесообразным говорить с ними на языке пусть и чужом, но имею-

щем более высокий престиж и более выигрышные социальные перспективы.

Р. Дарнелл описывает типичную в этой ситуации установку американской группы индейцев *кри* говорить дома только по-английски, чтобы дети выросли англоязычными и не подвергались в школе насмешкам от учителей и сверстников, что, разумеется, приводит к постепенному сворачиванию функционирования языка *кри* [Darnell 1971, 168].

В этом плане Н. Денисон говорит о *самоубийстве* языка, ибо подлинной причиной его смерти является *исчезновение не правил, но говорящих* [Denison 1977, 13–22], тем самым культура как бы сама принимает решение отказаться от родного языка, т.е. имеет место не убийство языка извне, но фактически его суицид (*linguacide*) [Denison 1977, 21].

И это – самый опасный вектор: насильственные акции по вытеснению *L*-языка из культурного пространства могут вызывать и, как правило, вызывают сопротивление и противодействие – вплоть до открытой борьбы за родной язык, в то время как лингвоцид – дело добровольное и потому неизменно успешное...

В итоге экзогlossная ситуация запускает процессы, приводящие к тому, что в социолингвистике называют *языковым сдвигом*, под которым понимается «процесс смены основного языка коллективом говорящих», начинающийся с того, что «к новому языку прибегают в тех сферах, где ранее использовался только этнический язык» [Словарь... 2006, 276–277].

В перспективе это с неизбежностью порождает языковую сегрегацию: «использование некоторого языка, отличного от английского, обрекает людей на гражданство второго сорта в американском обществе» [Cummins 2003, 60].³ Тем самым языковой сдвиг, порожденный ситуацией экзогlossности, создает серьезную опасность для стабильности культурной идентичности.

Между тем корректное положение дел И.А. Бодуэн де Куртэнэ сформулировал исчерпывающим образом еще в начале XX века: «Каждому гражданину предоставляется право сноситься с центральными учреждениями государства на своем родном

³ Парадокс в том, что носители *H*-языка могут быть монолингвами, в то время как носители *L*-языков – владеть несколькими языками. Классический пример – Британская империя *имперского столетия* (1815–1914 годов): англоязычные сагибы как носители *H*-языка, как правило, – монолингвы.

языке», и уже «дело этих центральных учреждений – обзавестись переводчиками со всех языков и на все языки, входящие в состав государства» [Бодуэн де Куртенэ 1906, 12–13].

Язык как пространство бытия нации: национальный язык как объективация национального самосознания

Как любое индивидуальное сознание объективируется в языке, так и любое национальное сознание нуждается в вербальном пространстве объективации. У. Вайнрайх потому и рассматривал отношение народов к языку как «символу и орудию своего национального бытия» [Вайнрайх 1972, 26]. Э. Хобсбаум справедливо видит в языке «первооснову национальной культуры и глубочайших истоков национального самосознания» [Хобсбаум 1998, 86].

Между тем диглоссия и экзоглоссность с очевидностью нарушает процессы персональной и национальной идентификации, ставит под угрозу стабильность национальной идентичности. Особенно опасна надэтничная (экзоглоссная) диглоссия при ее наложении на близкородственный билингвизм. В этом случае вероятность дивергенции (именно из-за близкородственности) минимальна, если не сводится к нулю: вымывание *L*-языка из практики становится грозной перспективой, избежать которой можно только сознательным целенаправленным усилием коллективного субъекта (носителей *L*-языка). Как полагает Дж. Эдвардс, в условиях, если в диглоссии «задействованы близкородственные языковые элементы», она «имеет тенденцию к постепенному исчезновению»: *H*-язык вытесняет *L*-язык [Edwards 2006].

Разумеется, использование наддиалогового языка или какого-либо национального языка в кросс-культурных коммуникациях неизбежно, и, как правило, это не результат злонамеренных действий темных сил, но процесс естественный и объективный. Только военные действия ведут на *языке пушек*, а дипломатия и сотрудничество требуют взаимопонимания (философия, как мы знаем, еще в Средние века использовала в таком качестве латынь). Однако практикование языка международного общения отнюдь не всегда приводит (и не должно приводить!) к диглоссии, а тем более экзоглоссности. Таковые без социально-политического нажима – сами собой – не возникают. Это, безусловно, – продукт языковой политики. И большое значение имеет бэкграунд: историческая традиция взаимодействия языков влияет на ситуацию

сегодняшнего дня. Это влияние может быть весьма острым, и от него не отмахнуться.

Если говорить о сохранении языков, которые имели несчастье в диглоссной ситуации оказаться в *L*-статусе, то объективные закономерности не спасут. Чтобы вернуть языкам *L*-статуса эволюционные перспективы, преодолеть последствия диглоссии и экзоглосности, безусловно, нужны сознательные и целенаправленные усилия, причем их осуществление, как правило, обретает политический характер.

Соответственно, политизация языковой проблемы неизбежна: если за язык необходимо бороться, значит, существуют противодействующие факторы и персонализирующие их силы. Как отмечает А. Гардт, язык играет центральную роль при формировании не только этнической и культурной, но и политической идентичности [Gardt 2004], и, разумеется, в определенных социально-политических ситуациях этот идентификационный потенциал языка существенно обостряется.

По оценке Э. Геллнера, «в течение двух столетий, последовавших за Французской революцией, национальные государства стали нормой политической жизни» [Геллнер 2002, 146]. Связывая проблему кодификации национальных языков с политическими событиями (Война за независимость США, Великая французская революция и др.), Э. Хауген отмечает, что в ходе социально-политических процессов «некоторые группы населения вдруг осознали, что их вынуждают говорить на каком-то новом языке и что они фактически являются гражданами второго сорта в своей собственной стране» [Хауген 1975, 454].

Тем самым в условиях билингвизма языковой вопрос оказывается не только остроактуальным, но и острым, а понятие *родного языка* обретает новое звучание и отчетливо выраженные политические коннотации. И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Дорого право человека оставаться при своем языке, выбирать его себе, право не подвергаться отчуждению от всесторонней употребляемости собственного языка, право людей свободно самоопределяться и группироваться, тоже на основе языка» [Бодуэн де Куртенэ 1906, 145].

Соответственно, национальный язык, как полагают эксперты, играет важнейшую роль в любом национальном возрождении [The Rise and Fall... 1985, 105–302]. В новоевропейской истории, по оценке Э. Хаугена, именно «политические катаклизмы вели к возникновению новых наций или к возрождению старых, – и мы

видим, как в одной стране за другой утверждаются новые языки – результат кодификаторских усилий отдельных лиц, правительственных комиссий или академий» [Хауген 1975, 454].

Потому естественным видится то, что, как отмечают эксперты, «при становлении новых суверенных государств государственный язык воспринимается как один из наиболее важных показателей государственности наряду с гербом, гимном и другими атрибутами государственности» [Михальченко 2014, 210]. По оценке В.М. Алпатова, «отстаивание потребности идентичности для национальных меньшинств чаще все-таки идет снизу, от <...> национальных движений. Они либо следят за поддержанием социальной роли своих языков на оптимальном уровне, либо добиваются усиления этой роли, в некоторых ситуациях это выливается в борьбу за независимость» [Алпатов 2013б, 24].

Языковые права, будучи связанными с национальной идентичностью, могут стать предметом борьбы острой и непримиримой [Busch 2013]. Неслучайно в литературе наряду с понятием языкового конфликта [Михальченко 2014, 241–245] появился термин *языковые войны* [Болтер 2016, 82–89].

Продолжая мысль И.Г. Гердера, Дж. Фишман полагает, что «традиционный *Volksprache* – это искра, от которой возгорается *Volksgeist*», поскольку язык и этничность «очень четко связываются с определенными усилиями, направленными на решение конкретных проблем, вызывающих острую озабоченность» [Фишман 2005, 134].

Таким образом, язык, по формулировке Э. Хаугена, превращается в *национальный символ*, а кодификатор языка начинает восприниматься как *национальный герой* [Хауген 1975, 453]⁴.

⁴ Интерпретационное восприятие правильного языка проходит значимую историческую эволюцию: по оценке Э. Хаугена, «для тех, кто считал язык божественным творением, кодификатор был жрецом, возвещавшим людям полученную от бога истину. Впоследствии код рассматривался как закон, а кодификатор – как законодатель, затем как этикет, а кодификатор – как законодатель мод и хорошего тона, и, наконец, как национальный символ, а кодификатор – как национальный герой. Для эстетиков кодификатор был поборником красоты языка, для логиков – приверженцем строгой рациональности, для философа – истолкователем законов мышления. Теперь, когда теория информации дала нам новое значение термина “код”, мы готовы считать кодификатора технологом языка» [Хауген 1975, 453].

Как писал в свое время И.Г. Фихте, «на чем <...> основывается надежда на то, что мы и без политической самостоятельности все же сохраним наш язык? Ведь не приписывают же те, кто так говорят, эту чудотворную силу своим увещаниям и обращениям к детям, детям детей и ко всем будущим столетиям?» [Фихте 2009, 280].

Таким образом, сохранение *L*-языка в условиях диглоссии возможно лишь как результат конкретной и последовательной активности. Как показывает Э. Хауген на примере франкоязычного населения Канады, «только благодаря упорному сопротивлению в области культуры им удавалось противостоять этой тенденции», и «за объяснением такого сопротивления (или его отсутствия) мы можем обратиться к работам социологов» [Хауген 1972, 64].

В описанных ситуациях функции языка расширяются: наряду с атрибутивными *номинативной*, *сигнификативной*, *коммуникативной* и др. язык может обретать функцию символа и презентации национальной самодостаточности. Безусловно, в любую эпоху и в любых условиях национальный язык выступает неотъемлемым элементом национальной культуры и базовым инструментом национальной самоидентификации. Речь в данном случае идет о том, что в острых ситуациях этот факт осознается глубоко и также остро: начинается сознательная *борьба за язык* (как минимум – актуализация языкового пуризма, как максимум – действия внеязыкового характера).

По оценке экспертов, в начале бурного XX веке было создано около 50 новых литературных языков [Исаев 1976, 6].

Проблема *global English*

Нельзя не обратить внимания на то, что ситуация, подобная диглоссной, обнаруживается в последнее время и в отношении национальных языков перед лицом *глобального английского*. Глобализация создает (среди прочих новаций) и «новую социолингвистическую реальность» [Кириленко 2014, 365–366].

Так, по оценке Д. Камерон, в современном мире сформировалась оппозиция *English language – non-English languages*, причем, с ее точки зрения, значимость неанглийских языков неуклонно снижается [Cameron 2002, 67–82].

Ситуация напоминает диглоссную. К примеру, У. Аммон отмечает уход национальных языков из ряда важных общественных сфер: официальных международных коммуникаций, деловых

отношений в бизнесе, научного дискурса и многих иных сфер, которые все более оказываются в сфере функционирования английского языка, владение которым маркируется общественным сознанием как знак продвинутости [Ammon 2010].

Тем самым два фактора накладываются друг на друга. С одной стороны, даже уходя из культуры, диглосность и экзоглосность не проходят бесследно, оставляя после себя трудно изживаемые последствия. С другой – распространение глобального английского фактически создает интенцию, которая в перспективе может быть чревата глобальной экзоглосностью, придав ему статус *H*-языка в отношении национальных языков.

В связи с этим С.Дж. Томасон говорит о «языках в опасности» [Thomason 2015]⁵; Дж. Эдвардс – о необходимости *новой экологии – языковой* [Edwards 2012, 101–112]. Так, Юкио Тсуда на материале японского и других языков обосновывает необходимость построения схемы более равноправного и открытого международного общения (без языковой дискриминации), предлагая заменить доминирующую на сегодняшний день парадигму «распространения английского» на парадигму «экология языка», которая бы центрировала внимание на обеспечении равного развития всех языков [Tsuda 1998].

В этих условиях возник термин *геолингвистика*; эта оформляющаяся отрасль знания ставящий во главу угла вопросы языкового развития, центрируя внимание на проблеме сохранения языкового разнообразия, которое является неотъемлемой частью культурного разнообразия человечества.

Заключение

Двуязычие как таковое является само по себе благом: мышление билингва позитивно влияет на когнитивные способности, формирует возможность под новым ракурсом взглянуть на реальность, обогащает экспрессивные возможности человека. Однако в социально-политическом контексте языковой процесс зависит от реализуемой в том или ином обществе языковой политики, и, соответственно, билингвизм может обретать и деструктивные

⁵ Возможен и феномен ревитализации языка: иврит, который, «имея раньше лишь символическую функцию, приобрел в Израиле и развитую коммуникативную, а для тех, кто там родился, стал материнским» [Алпатов 2000, 205]. Но этот прецедент – результат целенаправленных усилий с привлечением административного ресурса.

конфигурации, в рамках которых его позитивный потенциал отходит на второй план, на передний же выступают порождаемые языковой проблемой социальные противоречия, которые могут быть достаточно остры. Диглосные и тем более экзоглосные языковые ситуации не только нарушают баланс языков в двуязычных средах, но и деформируют процессы формирования национальной идентичности у той части населения, которая является носителем *L*-языка, что порождает непримиримые языковые конфликты. Преодоление этого дисбаланса требует сознательных усилий по сохранению языкового наследия как со стороны государства, так и носителей языка

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алпатов 2000 – Алпатов В.М. Зарубежная социолингвистика о проблемах двуязычия и языков национальных меньшинств // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / ред. Л.П. Крысина. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 192–221.

Алпатов 2002 – Алпатов В.М. Япония: язык и общество. – М.: Муравей, 2002.

Алпатов 2013а – Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. Серия: Филология 2013. № 5 (17). С. 8–28.

Алпатов 2013б – Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Сравнительная политика. – 2013. № 2. С. 11–22.

Арендт 2017 – Арендт Х. *Vita activa*, или о деятельной жизни. – М.: Ad marginem, 2017.

Балибар 2004 – Балибар Э. Национальная форма: история и идеология // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности. – М.: Логос, 2004. С. 103–124.

Бахтикиреева 2014 – Бахтикиреева У.М. К вопросу о роли языка в национальных конфликтах // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Междунар. конф. (16–19 сентября 2014 г., г. Москва) / ред.: А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2014. С. 241–245.

Биллинг 2005 – Биллинг М. Нации и языки // Логос. 2005. № 4 (49). С. 60–86.

Бодуэн де Куртенэ 1906 – Бодуэн де Куртенэ И.А. Проект основных положений для решения польского вопроса. – СПб.: Труд и польза, 1906.

Болтер 2016 – Болтер М. Языковые войны // В мире науки. 2016. № 7. С. 82–89.

Вайнрайх 1972 – Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты / под ред. В.Ю. Розенцвейга. – М.: Прогресс, 1972. С. 25–61.

Вайнрайх 2000 – *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. – Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна де Куртэнэ, 2000.

Вахтин, Головки 2004 – *Вахтин Н.Б., Головки Е.В.* Социолингвистика и социология языка – СПб.: Европейский ун-т в СПб., 2004.

Геллнер 2002 – *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Нации и национализм.* – М.: Праксис, 2002. С. 146–200.

Додыхудоева, Иванов 2014 – *Додыхудоева Л.Р., Иванов В.Б.* Язык ритуальной службы у зороастрийцев Ирана // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Междунар. конф. (16–19 сент. 2014 г.) г. Москва* / под ред. А.Н. Биткеевой, В.Ю. Михальченко. – М., 2014. С. 437–443.

Исаев 1976 – *Исаев М.И.* Е.А. Бокарев и интралингвистика // *Проблемы интерлингвистики типология и эволюция международных искусственных языков.* – М.: Наука, 1976. С. 5–11.

Кириленко 2014 – *Кириленко С.В.* Развитие языков в условиях глобализации // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Междунар. конф. (16–19 сент. 2014 г., г. Москва)* / под ред. А.Н. Биткеевой, В.Ю. Михальченко. – М., 2014. С. 365–369.

Крысин 2004 – *Крысин Л.П.* Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 468–474.

Мечковская 1996 – *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. – М.: Аспект Пресс, 1996.

Михальченко 2014 – *Михальченко В.Ю.* Языковой конфликт в полиэтническом государстве // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Междунар. конф. (16–19 сент. 2014 г., г. Москва)* / под ред. А.Н. Биткеевой, В.Ю. Михальченко. – М., 2014. С. 209–213.

Могилевич 2012 – *Могилевич Б.Р.* Социальная функция языка в контексте многоязычия и мультикультурализма // *Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика.* 2012. Т. 12. №. 2. С. 45–48.

Можейко 2020 – *Можейко М.А.* Мова як з’ява: белорусский язык в контексте диглоссии // *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020. № 4. С. 79–92.

Руссо 2007 – *Руссо Л.-Ж.* Разработка и проведение в жизнь языковой политики // *Языковая политика в современном мире: по материалам Третьего и Четвертого Междунар. семинаров по государственной языковой политике и актуальным проблемам двуязычия (Париж, 2005 г. – Санкт-Петербург, 2005–2006 гг.).* – СПб.: Златоуст, 2007. С. 97–121.

Словарь... 2006 – *Словарь социолингвистических терминов* / под ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006..

Старабеларускія лексіконы... 1992 – *Старабеларускія лексіконы («Лексисъ съ толкованіемъ словенскіхъ мовъ просто», «Лексис...»*

Л. Зізання, «Синонима славеноросская») / склад. А.А. Яскевіч. – Мінск: Універсітэцкае, 1992.

Фергюсон 1989 – *Фергюсон Ч.А.* Проблемы влияния языковой ситуации на обучение второму языку // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25: Контрастивная лингвистика / под ред. В.Г. Гака. – М.: Прогресс, 1989. С. 122–127.

Фихте 2009 – *Фихте И. Г.* Речи к немецкой нации. – СПб.: Наука, 2009.

Фишер 1975 – *Фишер Дж.Л.* Синтаксис и социальная структура: Трук и Понапе // Новое в лингвистике. Вып. 7: Социоллингвистика / под ред. Н.С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 1975. С. 397–421.

Фишман 2005 – *Фишман Дж.* Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. 2005. № 4 (49). С. 132–140.

Фуко 1996 – *Фуко М.* Порядок дискурса // *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности (работы разных лет). – М.: Касталь, 1996. С. 47–95.

Хауген 1972 – *Хауген Э.* Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты / под ред. В.Ю. Розенцвейга. – М.: Прогресс, 1972. С. 61–80.

Хауген 1975 – *Хауген Э.* Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. 7: Социоллингвистика / под ред. Н.С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 1975. С. 441–472.

Хобсбаум 1998 – *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г.. – СПб.: Алетейя, 1998.

Хобсбаум 2005 – *Хобсбаум Э.* Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 49–59.

Шапир 1989 – *Шапир М.И.* Теория «церковнославянско-русской диалексии» и ее сторонники // Russian Linguistics. 1989. № 13. С. 271–309.

Ammon 2010 – *Ammon U.* World Languages: Trends and Futures // The Handbook of Language and Globalization / ed by N. Coupland. – Chichester: Blackwell Publishing, 2010. P. 101–122.

Baker, Wright 2017 – *Bake C., Wright W.E.* Foundations of Bilingual Education and Bilingualism. – Clevedon: Multilingual Matters, 2017.

Barker 1950 – *Barker G.C.* Pachuco: An American-Spanish Argot and Its Social Functions in Tucson, Arizona // University of Arizona Social Science Bulletin. 1950. Vol. 21. No. 1.

Barker 1951 – *Barker G.C.* Growing Up in a Bilingual Community // The Kiva. 1951. Vol. 17. No. 1–2. P. 17–32.

Beardsmore 1986 – *Beardsmore H.B.* Bilingualism: Basic Principles. – Clevedon: Multilingual Matters, 1986.

Behaghel 1928 – *Behaghel O.* Geschichte der deutschen Sprache. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1928.

Busch 2013 – *Busch B.* Linguistic Rights and Language Policy: A South–North Dialogue // *Education as Change*. 2013. Vol. 17. No 2. P. 209–218.

Cameron 2002 – *Cameron D.* Globalization and the Teaching of “Communication Skills” // *Globalization and the Language Teaching* / ed. by D. Block, D. Cameron. – London: Routledge, 2002. P. 67–82.

Cummins 2003 – *Cummins J.* Bilingual Education: Basic Principles // *Bilingualism: Beyond Basic Principles. Festschrift in Honour of Hugo Baetens Beardsmore* / ed. by J.M. Dewaele, A. Housen, L. Wei. – Clevedon: Multilingual Matters, 2003. P. 56–66.

Darnell 1971 – *Darnell R.* The Bilingual Speech Community: A Cree Example // *Linguistic Diversity in Canadian Society* / ed. by R. Darnell – Edmonton: Linguistic Research, 1971. P. 155–172.

Denison 1977 – *Denison N.* Language Death or Language Suicide? // *International Journal of the Sociology of Language*. 1977. Vol. 12. P. 13–22.

Dixon 1991 – *Dixon R.M.W.* The Endangered Languages of Australia, Indonesia and Oceania // *Endangered Languages* / ed. by R.H. Robins, E.M. Uhlenbeck. – Oxford, UK: Berg Publishers, 1991. P. 229–255.

Dixon 2008 – *Dixon R.M.W.* The Rise and Fall of Languages. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008.

Edwards 2006 – *Edwards J.* Foundations of Bilingualism // *The Handbook of Bilingualism* / ed. by T.K. Bhatia, W.C. Ritchie. – Malden, MA: Blackwell, 2006. P. 7–31.

Edwards 2012 – *Edwards J.* Multilingualism: Understanding Linguistic Diversity. – London: Routledge, 2012.

Ferguson 1976 – *Ferguson C.A.* The Ethiopian Language Area // *Language In Ethiopia* / ed. by M.L. Bender, J.D. Bowen, R.L. Cooper, C.A. Ferguson. – Oxford: Oxford University Press, 1976. P. 63–76.

Gardt 2004 – *Gardt A.* Language and National Identity // *Globalization and the Future of German* / ed. by A. Gardt, B. Hüppauf. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. P. 197–209.

Hudson 1999 – *Hudson A.* Diglossia // *Concise Encyclopedia of Educational Linguistics* / ed. by B. Spolsky. – Oxford: Elsevier Science, 1999. P. 37–42.

Kiernan 1993 – *Kiernan V.* The British Isles: Celt and Saxon // *The National Question in Europe in Historical Context* / ed. by M. Teich, R. Porter. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1993. P. 1–34.

Marín-Arrese 2015 – *Marín-Arrese J.I.* Effective Control in Political Discourse: A Cross-Linguistic Study of Text-related Variation // 48th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Leiden, September 2–5, 2015. – Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2015. P. 105–106.

Ngũgĩ wa Thiong’o 1986 – *Ngũgĩ wa Thiong’o.* Decolonising the Mind: The Politics of Language in African Literature. – London: James Currey, 1986.

Patten 2001 – *Patten A.* Political Theory and Language Policy // *Political Theory*. 2001. Vol. 29. No 5. P. 691–715.

The Rise and Fall... 1985 – The Rise and Fall of the Ethnic Revival: Perspectives on Language and Ethnicity / ed. by J.A. Fishman, M.H. Gertner. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1985.

Thomason 2015 – *Thomason S.G. Endangered Languages: An Introduction.* – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2015.

Tsuda 1998 – *Tsuda Y. Critical Studies on the Dominance of English and the Implications for International Communication // Japan Review.* 1998. Vol. 10. P. 219–236.

White 1991 – *White P. Geographic Aspects of Minority Language Situations in Italy // Linguistic Minorities, Society and Territory / ed. by C.H. Williams.* – Clevedon: Multilingual Matters, 1991. P. 44–65.

REFERENCES

Alpatov V.M. (2000) Foreign Sociolinguistics on the Issues of Bilingualism and Languages of National Minorities. In: Krysin L.P. (Ed.) *Speech Communication in Conditions of Linguistic Heterogeneity* (pp. 192–221). Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Alpatov V.M. (2002) *Japan: Language and Society.* Moscow: Muravey (in Russian).

Alpatov V.M. (2013a) Language Policy in the Modern World. *Nauchnyy dialog Series: Philology.* No. 5, pp. 8–28 (in Russian).

Alpatov V.M. (2013b) Language Policy in the Modern World: “Monolingual” and “Bilingual” Practices and the Problem of Language Assimilation. *Sravnitel'naya politika.* No 2. P. 11–22 (in Russian).

Ammon U. (2010) World Languages: Trends and Futures. In: Coupland N. (Ed.) *The Handbook of Language and Globalization* (pp. 101–122). Chichester: Blackwell Publishing.

Arendt H. (2017) *The Human Condition.* Moscow: Ad Marginem (Russian translation).

Baker C. & Wright W.E. (2017) *Foundations of Bilingual Education and Bilingualism.* Clevedon: Multilingual Matters.

Bakhtikireeva U.M. (2014) On the Question of the Role of Language in National Conflicts. In: Bitkeeva A. N. & Mikhilchenko V.Yu. (Eds.) *Language Policy and Language Conflicts in the Modern World* (pp. 241–245). Moscow: RAS Institute of Linguistics (in Russian).

Balibar E. (2004) The Nation Form: History and Ideology. In: Balibar E. & Wallerstein I. *Race, Nation, Class: Ambiguous Identities* (pp. 103–124). Moscow: Logos (Russian translation).

Balter M. (2016) Language Wars. *V mire nauki.* No. 7, pp. 82–89 (Russian translation).

Barker G.C. (1950) Pachuco: An American-Spanish Argot and Its Social Functions in Tucson, Arizona. *University of Arizona Social Science Bulletin.* Vol. 21, no. 1.

Barker G.C. (1951) Growing Up in a Bilingual Community. *The Kiva*. Vol. 17, no. 1–2, pp. 17–32.

Baudouin de Courtenay I.A. (1906) *Draft Guidelines for the Solution of the Polish Question*. Saint Petersburg: Trud i polza (in Russian).

Beardsmore H.B. (1986) *Bilingualism: Basic Principles*. Clevedon: Multilingual Matters.

Behaghel O. (1928) *Geschichte der deutschen Sprache*. Berlin: Mouton de Gruyter (in German).

Billig M. (2005) Banal Nationalism. *Logos*. No. 4, pp. 60–86 (Russian translations).

Busch B. (2013) Linguistic Rights and Language Policy: A South–North Dialogue. *Education as Change*. Vol. 17, no 2, pp. 209–218.

Cameron D. (2002) Globalization and the Teaching of “Communication Skills”. In: Block D. & Cameron D. (Eds.) *Globalization and the Language Teaching* (pp. 67–82). London: Routledge.

Cummins J. (2003) Bilingual Education: Basic Principles. In: Dewaele J.M., Housen A., & Wei L. (Eds.) *Bilingualism: Beyond Basic Principles. Festschrift in Honour of Hugo Baetens Beardsmore* (pp. 56–66). Clevedon: Multilingual Matters.

Darnell R. (1971) The Bilingual Speech Community: A Cree Example. In: Darnell R. (Ed.) *Linguistic Diversity in Canadian Society* (pp. 155–172). Edmonton: Linguistic Research.

Denison N. (1977) Language Death or Language Suicide? *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 12, pp. 13–22.

Dixon R.M.W. (1991) The Endangered Languages of Australia, Indonesia and Oceania. In: Robins R.H. & Uhlenbeck E.M. (Eds.) *Endangered Languages* (pp. 229–255). Oxford, UK: Berg Publishers.

Dixon R.M.W. (2008) *The Rise and Fall of Languages*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Dodykhudoeva L.R. & Ivanov V.B. (2014) The Language of Ritual Service among the Zoroastrians of Iran. In: Bitkeeva A.N. & Mikhalchenko V.Yu. (Eds.) *Language Policy and Language Conflicts in the Modern World* (pp. 437–443). Moscow (in Russian).

Edwards J. (2006) Foundations of Bilingualism. In: Bhatia T.K. & Ritchie W.C. *The Handbook of Bilingualism* (pp. 7–31). Malden, MA: Blackwell.

Edwards J. (2012) *Multilingualism: Understanding Linguistic Diversity*. London: Routledge.

Ferguson C.A. (1976) The Ethiopian Language Area. In: Bender M.L., Bowen J.D., Cooper R.L., & Ferguson C.A. (Eds.) *Language In Ethiopia* (pp. 63–76). Oxford: Oxford University Press.

Ferguson C.A. (1989) Background to Second language Problems. In: Gak V.G. (Ed.) *New in Foreign Linguistics. Issue 7: Contrastive Linguistics* (pp. 122–127). Moscow: Progress (Russian translation).

Fichte J.G. (2009) *Addresses to the German Nation*. Saint Petersburg: Nauka (Russian translation).

Fischer J.L.(1975) Syntax and Social structure: Truk and Ponape. In: Chemodanov N.S. (Ed.) *New in Linguistics. Issue 7: Sociolinguistics* (pp. 397–421). Moscow: Progress (Russian translation).

Fishman J. (2005) The Primordialist-Constructivist Debate Today: The Language-Ethnicity Link in Academic and Everyday-Life Perspective. *Logos*. No. 4, pp. 132–140 (Russian translation).

Fishman J.A. & Gertner M.H. (1985) *The Rise and Fall of the Ethnic Revival: Perspectives on Language and Ethnicity*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Foucault M. (1996) The Order of Discourse. In: Foucault M. *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality* (pp. 47–95). Moscow: Kastal' (Russian translation).

Gardt A. (2004) Language and National Identity. In: Gardt A. & Hüppauf B. (Eds.) *Globalization and the Future of German* (pp. 197–209). Berlin: Mouton de Gruyter.

Gellner E. (2002) The Coming of Nationalism and Its Interpretation: The Myths of Nation and Class. In: Gellner E. *Nations and Nationalism* (pp. 146–200). Moscow: Praxis (Russian translation).

Haugen E. (1972) Language Contact. In: Rosenzweig V.Yu. (Ed.) *New in Linguistics. Issue 6: Languages in Contact* (pp. 61–80). Moscow: Progress (Russian translation).

Haugen E. (1975) Linguistics and Language Planning. In: Chemodanov N.S. (Ed.) *New in Linguistics. Issue 7: Sociolinguistics* (pp. 441–472). Moscow: Progress (Russian translation).

Hobsbawm E. (1998) *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Saint Petersburg: Aletheia (Russian translation).

Hobsbawm E. (2005) Are all Tongues Equal? Language, Culture, and National Identity. *Logos*. No. 4, pp. 49–59 (Russian translation).

Hudson A. (1999) Diglossia. In: Spolsky B. (Ed.) *Concise Encyclopedia of Educational Linguistics* (pp. 37–42). Oxford: Elsevier Science.

Isaev M.I. (1976) E.A. Bokarev and Intralinguistics. In: *Problems of Interlinguistics Typology and Evolution of International Artificial Languages* (pp. 5–11). Moscow: Nauka (in Russian).

Kiernan V. (1993) The British Isles: Celt and Saxon. In: Teich M. & Porter R. (Eds.) *The National Question in Europe in Historical Context* (pp. 1–34). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Kirilenko S.V. (2014) The Development of Languages in the Context of Globalization. In: Bitkeeva A.N. & Mikhilchenko V.Yu. (Eds.) *Language Policy and Language Conflicts in the Modern World* (pp. 365–369). Moscow (in Russian).

Krysin L.P. (2004) Possession of different subsystems of the language as a phenomenon of diglossia. In: Krysin L.P. *Russian Word, One's Own and Someone Else's: Studies in the Modern Russian Language and Sociolinguistics* (pp. 468–474). Moscow: LRC Publishing House (in Russian).

Marín-Arrese J.I. (2015) Effective Control in Political Discourse: A Cross-Linguistic Study of Text-related Variation. In: *48th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Leiden, September 2–5, 2015)* (pp. 105–106). Leiden: Leiden University Centre for Linguistics.

Mechkovskaya N.B. (1996) *Social Linguistics*. Moscow: Aspect Press (in Russian).

Mikhailchenko V.Yu. (Ed.) (2006) *Dictionary of Sociolinguistic Terms*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mikhailchenko V.Yu. (2014) Language Conflict in a Multi-Ethnic State In: Bitkeeva A.N. & Mikhailchenko V.Yu. (Eds.) *Language Policy and Language Conflicts in the Modern World* (pp. 209–213). Moscow (in Russian).

Mogilevich B.R. (2012) The Social Function of Language in the Context of Multilingualism and Multiculturalism. *Bulletin of the Saratov University. Series: Philology. Journalism*. Vol. 12, no. 2, pp. 45–48 (in Russian).

Mojeiko M.A. (2020) Language as a Phenomenon: The Belarusian Language in the Context of Diglossia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. No. 4, pp. 79–92 (in Russian).

Ngũgĩ wa Thiong'o. (1986) *Decolonising the Mind: The Politics of Language in African Literature*. London: James Currey.

Patten A. (2001) *Political Theory and Language Policy. Political Theory*. Vol. 29, no 5, pp. 691–715.

Rousseau L.-J. (2007) Development and Implementation of Language Policy. In: *Language Policy in the Modern World: The Proceedings of the Third and Fourth International Seminars on the State Language Policy and Topical Issues of Bilingualism* (pp. 97–127). Saint Petersburg: Zlatoust (Russian translation).

Shapir M.I. (1989) The Theory of “Church Slavonic-Russian Diglossia” and Its Supporters. *Russian Linguistics*. No. 13, pp. 271–309 (in Russian).

Thomason S.G. (2015) *Endangered Languages: An Introduction*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Tsuda Y. (1998) Critical Studies on the Dominance of English and the Implications for International Communication. *Japan Review*. Vol. 10, pp. 219–236.

Vakhtin N.B. & Golovko E.V. (2004) *Sociolinguistics and Sociology of Language*. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg (in Russian).

Weinreich U. (1972) Monolingualism and Multilingualism In: Rosenzweig V.Yu. (Ed.) *New in Linguistics. Issue 6: Languages in Contact* (pp. 25–61). Moscow: Progress (Russian translation).

Weinreich U. (2000) *Languages in Contact: Findings and Problems*. Blagoveshchensk: I.A. Baudouin de Courtenay Blagoveshchensk State University (Russian translation).

White P. (1991) Geographic Aspects of Minority Language Situations in Italy. In: Williams C.H. (Ed.) *Linguistic Minorities, Society and Territory* (pp. 44–65). Clevedon: Multilingual Matters.

Yaskevich A.A. (Comp.) (1992) *Old Belarusian Lexicons*. Minsk: Universitetskaye (in Belarusian).